

Французский трувер, один из самых ярких представителей французской поэзии в эпоху Людовика IX. О жизни его известно только, что он

происходил из Шампани, приехал в Париж, терпел постоянно большую нужду, вёл довольно беспорядочный образ жизни и рано стал писать.

ПОКАЯНИЕ РЮТБЁФА

Мне должно пенье позабыть,
И так рифмаческая прыть
Моей питалась долго страстью.
И сердцу впору слезы лить –
Я Богу не умел кадить,
Перед его склоняясь властью,
Всегда влекла меня к участию
Игра своей манящей сластью.
Псалмы не пробовав нудить,
В День Судный зря могу пропасть я,
Коль Та, в ком Бог зачат, по счастью
Не станет за меня молить.

Да, время каяться пришло,
Смириться сердце не смогло
Заране – так сейчас придётся,
Добра не знало, знало зло –
И мне ли раскрывать хайло,
Когда и праведник трясётся!
Тащил я, что ни попадётся,
Все, что едят, и все, что пьётся, –
Я не монах, не подвезло.
И если вопль мой вознесётся:
« Не ведал!... » , – он едва ль зачтётся:
Снискать спасенье тяжело.

Спасенье, как же! Боже правый!
Ведь Ты давал мне разум здравый,
И острый смысл, чтоб мир познать.
И облик дал свой величавый,
И дар бесценный и кровавый,
Смерть за меня решив принять!
Ведь мог Врага я отогнать,
Зане в темнице не стенать,
Что уготовил мне Лукавый!

Его молитвой не пронять,
Ему едино – сброд иль знать,
Не увернется и вертлявый.

Я слушал тело, вождедел,
Я рифмовал, пороки пел
Одних, чтоб быть другим по нраву.
Враг нашептал таких мне дел!
Душа безродна, ей в удел –
Узилище, увы, по праву.
Коль Та, в ком вижу свет и славу
Не исцелит мою растраву,
То я, как видно, прогорел,
Живя совсем не по уставу.
В такой болезни быть мне здраву
Какой бы врач помочь сумел?

Целительница мне знакома –
И от Лиона до Вандома,
Нигде её искусней нет,
В веках умелицей рекома,
Ей гной подвластен и саркома,
Любой заразы сгинет след!
Она дала простой совет –
И Египтянку Божий свет
Спас от греха и от содома,
Очистив от порочных лет!
Как жажду я, угрюм и блед,
Душе такого же приёма!

Могуч да тощ – любой умрёт,
И мне случится укорот,
От смерти что защитой станет?
Иной упрётся сумасброд,
Упрямо ногу в пол упрёт –
И рухнет, коли смерть потянет.
Я смерти жду, лишь тем и занят –
Едва ли кто её обманет,
Она и денег не берёт.

Как тело в жалкий прах увянет,
Вот тут-то для души настанет
О прошлом каяться черёд.

А каяться – немало в чём,
И лучше бы молчать о том.
Ужели поздно, святой Боже!
Грехи-то тлели день за днём,
И мне твердят монах с попом,
Что угли – пламени построже.
Мы с лисом хитростью похожи,
Но я лишь при своём, похоже,
А лис – давно в лесу своём.
Мир скажет « пас » , и мне негоже
На пас вестись – пасую тоже.
Кон сыгран, мы поврозь уйдём.

ОГЮСТ АНЖЕЛЬЕ

(1848-1911)

Родился на севере Франции. Был первым преподавателем английского языка и литературы на Факультете словесности Лилля, прежде чем стать его деканом с 1897 по 1900 г. Поэт, литературный критик и историк литературы.

ЗОЛОТОЙ ФАЗАН

Подругу золотой фазан пленить желая,
Все перья распушит, и светится, блистая,
Переливаясь, как сверкающий витраж.
Прекрасен золотой взъерошенный плюмаж,
И грива – в цвет зари с полосками эбена.
Рдяную грудь раздув, он шествует надменно,
Чуть крылья приподняв, величественно-важен,
И хохолок горит; весь бронзою украшен,
В прожилках малахит зелёной шеи, франтом
Глядит: спины багрец с крыла злачёным кантом,
Хвост игристый блестит, усыпан алой зернью,
Теснимой угольных штрихов глубокой чернью,
По полю ясного с искрою аметиста.
Всё светится огнём, взвихрённым золотисто,

То опадающим, то охватившим глаз –
В сверкании шальном сапфир или топаз
Разбрызгали лучи сиянья голубого,
Столкнувшись невзначай – и заискрили снова.
Над верхней кромкой глаз – прозрачных самоцветов –
В оправе серебра, среди бронзовых просветов
Златая дрожь скользит волны неясным блеском,
Рождаясь, расходясь, кипя, вздымаясь плеском
Бежит, стремится вширь, дробится на чешуйки,
Рисуя филигрань, пылают жаром струйки,
И, в россыпь превратясь из золоченой пыли,
Трепещет взвесью брызг с оттенком кошенили,
Чтоб, в невесомую затем соткавшись сеть,
Окутать птицу всю, и с нею пламенеть.

ОДИЛОН-ЖАН ПЕРЬЕ

(1901-1928)

Франкоязычный бельгийский поэт. Родился и провел жизнь в Брюсселе. Настоящее имя – Жан Перье; псевдоним Жан-Одилон Перье взял, чтобы его не путали с известным в то время актером.

РАНА

Рене Пюрналю

Туман – по локоть, и, гордыню сжав зубами –
Добычу и щенков так держит дикий зверь –
Дышу, иду. Меня мир захватил теперь,
Все краски бытия к закату лягут сами.

Под пикадором сник, и кровью испестрён,
Конь топчется в грязи из вспоротого чрева.
И ангел-златолюб – наездник мой: без гнева
Увидев цель, меня пришпоривает он.

Но вот - юна, жива, с пречистою рукою,
Она мельканьем крыл, и небом, и листвою
Накрыла тот пустырь, где я кирку вонзал.
Блеск жилы под травой – с ним мало что сравнится!
И слабости любви в тени публичных зал...
– И за спиной кровит мой ангел, как девица.

ПРИЗНАНИЕ СМЕРТНИКА

Как голова среди волос бездонность прячет –
Повенчаннный с землей пехотный рядовой,
Твой к обладанью путь в траве высокой начат,
Округлости земли ты ухватил рукой.

О, давняя любовь, из мертвых сложена, –
Утешился тобой, на женщин столь похожей,
Покойной силы пьешь не каждый день сполна
– И в нищете своей смешаюсь я с пейзажем –

В кустах шипастых блеск прекрасен ружей новых!
Вращается земля. Венера для готовых
К еде солдат несет и хлеб, и молоко.

Мы – к животу живот, сердца сравнялись ритмом.
Упали небеса, накрыв нас, ровно в пять.
Под бременем таким – уж точно не разнять.

АДОЛЬФ ПУАССОН

(1849-1922)

СОСНЫ

При мне трех сосен тень, что царствуют над садом
И, голову кружа, вздымают ввысь стволы.
Среди вершин весной таятся гнезда рядом,
Как если б их держал ваш аромат смолы.

Вы память обо мне переживете, сосны!
Когда я буду спать, забытый средь живых,
Писания мои исчезнут – вялы, косны,
На кров мой бросьте дрожь больших ветвей своих.

Когда на кладбище свой прах уже смешаю
Я с почвой жирной, вы, возвышенно-горды,
Взнесётесь до небес, покой их нарушая, –
Свидетели тех дней, чьи сгинули следы.

И будет вёсен ряд, сменив сезон понурый,
И гнезда вновь найдут приют среди ветвей;
Ковер увядших игл зимы забытой шкурой
Лужайку погребет под желтизной своей.

Но грянет миг – и вы исчезнете бесследно,
И тибуртинский вам бессмертия венец
Гораций не сплетет, не воспоет победно, –
Уйдете, как ушел безвестный ваш певец.

Мой прах счастливей – он однажды возродится,
Восстану во плоти, когда Господь велит,
И мой последний сон однажды прекратится, –
Но, сосны, вас, увы, никто не воскресит.

Когда повинен я, Господь, что я писал –
Не слишком будь жесток, отмерь по силам муки,
И грех мечты прости, что я не обуздал,
Но не несли ни зла, ни гнева песен звуки,
И я один страдал порой от сей доуки –
И, счет ведя тому, чем полон мой развал,
Не слишком будь жесток, отмерь по силам муки,
Когда повинен я, Господь, что я писал.

Когда повинен я, Господь, что я мечтал,
Заботу о своих прими как оправданье.
Как пахарь, от моих устав тяжелых рал,
Я музе сократить старался ожиданье,
И к ней спешил, чтоб здесь ей скрасить пребыванье –
Когда повинен я, Господь, что я мечтал.

Когда повинен я, Господь, что жар познал
Любови озорной, в те дни, что был я молод,
И в наслаждениях миг счастья испытал,
Не думая тебя презреть, любви фиал
Я жадно пил, меня снедал неясный голод,
Я не терял стыда, но если и желал

Сильней, чем ты велишь, – прости, умерь свой холод,
Когда повинен я, Господь, что жар познал.

Когда повинен я, Господь, что я искал
Восторга, к счастью свой путь я устремлял,
Попав в круговорот сей жизни эфемерной,
Когда я тратил зря сердечный мой запал,
За призраком гонясь в тщете несоразмерной,
Поверь мне, что мой труд я тем не предавал –
Когда повинен я, Господь, что я искал.

Когда повинен я, Господь, что я рыдал,
Что был я слаб в часы мучительных терзаний,
Что жертвой часто был для разочарований,
И что меня легко валил житейский шквал, –
Прими, что человек слабей других созданий:
Прости, Господь, – когда повинен, что рыдал.

Перевод с французского Я. Старцева